

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*В.А. КАСАМАРА,
М.С. МАКСИМЕНКОВА*

Политическая элита глазами российских парламентариев*

Авторы анализируют нормативные представления российских парламентариев о политической элите, выявленные в результате интервьюирования 50 депутатов Государственной думы V созыва. В большинстве случаев опрошенные представители политической элиты разделяли сходные взгляды на роль, функции и качества “идеальной” политической элиты. Более того, результаты исследования продемонстрировали, что нормативные представления парламентариев в значительной мере совпадают с дескриптивными: нынешняя политическая элита воспринимается ими как приемлемая и даже близкая к идеальной.

Ключевые слова: политические представления, депутаты Государственной думы, политический класс, качества “идеальной” политической элиты, российская политическая элита.

The authors analyze Russian parliamentarians' normative notions of the political elite. The research is based on 50 interviews with the members of the State Duma. In the majority of cases respondents share similar views on the role, functions, and main features of an “ideal” political elite. Moreover, the results of the research demonstrate that parliamentarians' normative notions and their perception of current political situation are basically the same: respondents are often of opinion that the actual political elite is normal and even near to the ideal one.

Keywords: parliamentarians' political perceptions, State Duma deputies, political class, features of an “ideal” political elite, Russian political elite.

Качество человеческого ресурса – необходимое условие модернизации страны. Принятие эффективных и адекватных политических решений, отвечающих на глобальные вызовы, стоящие перед страной, требует профессионалов высокой квалификации. Залог успеха – способность людей в целом и политической элиты в частности здраво оценивать происходящие процессы, критически мыслить, адаптироваться к изменяющимся условиям, проявлять инициативу и брать на себя ответственность. Структура

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в 2011 г.

Касамара Валерия Александровна – кандидат политических наук, заведующая Лабораторией политических исследований, доцент кафедры политического поведения факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ–ВШЭ).

Максименкова Марина Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ.

господствующих ценностей, потребностей, интересов и мотиваций элитных групп вне зависимости от их характера играет особую роль в переходных, модернизирующихся обществах, определяет направленность общественных преобразований и влияет на принятие решений в конкретных социальных ситуациях.

В этой связи можно говорить о том, что любому обществу необходим в первую очередь “элитный”, высококачественный человеческий капитал [Плискевич, 2012], референтная группа, “идущая впереди”, демонстрирующая образец поведения и представлений и способствующая таким образом динамичному развитию самого общества. Такую группу даже называют иногда “элитой развития” [Афанасьев, 2009]. Мы полагаем, что такой референтной группой могли бы оказаться и представители российского политического класса. Желание понять, к чему стремится современный политический класс и может ли он быть референтной группой, подтолкнуло нас выявить его нормативные представления. Как исследователям нам было интересно посмотреть, какой нынешняя политическая элита видит себя и как представляет траекторию своего дальнейшего развития.

В данном исследовании мы обратились к изучению нормативных представлений значимой части российской политической элиты – депутатов Государственной думы V созыва. Мы понимаем, что российская политическая элита слишком разнородна и нельзя ограничивать ее изучение лишь исследуемой нами группой. Однако в качестве объекта исследования мы выбрали именно парламентариев по двум причинам. Во-первых, мы воспринимаем их как людей, находящихся в информационном поле, насыщенном политическими событиями, и обладающих относительно высоким социальным статусом в силу занимаемой должности. Во-вторых, если говорить о верхних стратах, то максимум, которого нам удалось достичь в ходе исследования, – это как раз депутаты Государственной думы. Мы отдаем себе отчет, что депутаты – не самый высокий этаж социальной иерархии, но верхние этажи оказались для нас недостижимы из-за закрытости российской политической элиты как таковой.

Особенность данного исследования – применение качественных методов, в том числе методов обоснованной теории (*grounded theory*). Работа является пилотным проектом, который в дальнейшем позволит расширить наше исследование, то есть приступить к изучению нормативных представлений не только федеральной, но и региональной политической элиты. В ходе исследования мы попытались выявить ключевые темы, те вопросы и болевые точки, которые будет необходимо более подробно и глубоко изучить в дальнейшем. Это позволяет нам очертить круг проблем, каталогизировать экспертные мнения и оценки, которые будут тестироваться и перепроверяться на следующем этапе исследования¹.

Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью с представителями различных фракций Государственной думы. В ходе пилотного исследования было проведено 50 интервью средней продолжительностью 60 минут каждое. Общий объем транскриптов интервью составил 843 655 знаков.

Качественные методы исследования политической элиты наиболее адекватны [Aberbach, Rockman, 2002, p. 673], однако в отношении российской политической элиты политологами и социологами почти не используются, в первую очередь в связи с ограниченностью доступа к представителям власти. Сфера же нормативных представлений российской элиты вообще практически не находит отражения в современных научных исследованиях. Специфика ее изучения заключается в преобладании работ, посвященных описанию механизмов формирования, способам рекрутирования и социальному составу элиты [Крыштановская, 2005; Гаман-Голутвина, 2006], а также региональной российской элите (см. [Moses, 2008; Региональная... 2005]).

¹ Методология обоснованной теории предполагает появление теории в процессе исследования и циркулярность, многоэтапность самого процесса исследования, поэтому мы сочли необходимым первым делом выявить важнейшие проблемы и темы, интересные для дальнейшего изучения.

В работах о российской политической элите преобладают историко-биографические и количественные методы исследования. Чаще всего применяются методы контент-анализа опубликованных в СМИ выступлений и интервью и биографического анализа [Селезнева... 2010]. В. Гельман и И. Тарусина отмечают, что такая склонность российских исследователей проводить стратификационные исследования и использовать биографический метод способствует изоляции этой области российской науки от науки международной [Gel'man, Tarusina, 2000]. Из многочисленных работ, посвященных российской политической элите, лишь немногие основаны на применяемом нами подходе [Пищева, Виноградова, Недова, 2010; Гурьева, 2007; Urban, 2008; 2010]. Однако даже наиболее близкие из них к данному исследованию все же имеют ряд отличий.

Во-первых, в том числе и в силу сложности проведения интервью с представителями федеральной политической элиты, в большинстве исследований изучаются региональные политические элиты (см. [Чирикова, 2008; Гурьева, 2007]), анализируются их ценностные ориентации в рамках дискурс-аналитического подхода. Во-вторых, наряду с политической элитой изучаются и представители интеллектуальной, творческой, бизнес- и медиаэлиты, а результаты представляются в общем виде (см., например, [Сумма... 2008; Гудков, Дубин, Левада, 2007]), что не позволяет получить адекватную картину, отражающую представления собственно политической элиты. И в-третьих, применение качественных методов анализа лишь в роли приложения к количественным не дает возможности в наиболее полной мере изучить мнения, ценности и ориентации политической элиты. Зачастую даже в случаях, когда исследователю удается использовать метод интервью, результаты работы носят количественный, а не качественный характер.

В исследовании был использован целеориентированный подход к формированию выборки: следуя требованиям об охвате всех информационно значимых случаев, то есть всех групп изучаемой общности [Ковалев, Штейнберг, 1999, с. 84], мы интервьюировали представителей разных фракций Государственной думы. И в соответствии с требованиями обоснованной теории интервьюирование респондентов проводилось до теоретического насыщения [Страусс, Корбин, 2001, с. 147], то есть до тех пор, когда очередные включаемые в выборку случаи уже не приносили новой информации.

Для анализа стенограмм интервью мы использовали применяющееся в обоснованной теории открытое кодирование [Flick, 2009, p. 306], которое выполнили средствами программы QDA Miner. Применение данного метода позволило выявить устойчиво транслируемые коды, ключевые категории, в которых представители исследуемой нами группы выражают свои представления о нормативном и дескриптивном. Для иллюстрации основных результатов исследования в тексте статьи приведены графики, отражающие частоту, с которой встречаются в нарративах основные выявленные нами коды.

В тематике вопросов, задававшихся респондентам, можно условно выделить три основных блока: представление о функциях и роли “идеальной” политической элиты, нынешнее состояние российской элиты и возможные меры для осуществления перехода от настоящего состояния к желаемому. В результате кодирования текстов интервью был выявлен ряд ключевых категорий, относительно большей части которых депутаты разных фракций оказались поразительно единодушны. Наличие некоторых стилистических отличий между ответами представителей разных фракций, заключавшихся в основном в характере позиционирования себя по отношению к власти и демонстрируемой степени лояльности, не сказалось на том, как участники исследования трактовали главные особенности “идеальной” и существующей в России сегодня политической элиты.

Основные противоречия касались вопроса о том, кого они включают в состав политической элиты. На этот счет мы не обнаружили у депутатов единого мнения: их представления были противоречивы и включали массу трактовок понятия “политическая элита”. В целом можно говорить о наличии двух основных подходов в понимании

парламентариями политической элиты: формально-статусного и подразумевающего независимость “звания” представителя политической элиты от наличия формального политического статуса.

Респонденты отмечали сложносоставной характер любой политической элиты, поскольку, по их словам, существует разделение властей как по горизонтали, так и по вертикали. Они зачастую подменяли определение элиты перечислением институтов и акторов, входящих, по их мнению, в ее состав. Так, на наш вопрос о том, что такое политическая элита, депутат фракции Единая Россия ответил следующим образом: *“Политическая элита состоит из элиты федеральной, будем так говорить, и элиты местной, которая есть в регионах. Это, естественно, Президент, Администрация [Президента], Правительство, это Государственная дума, Совет Федерации – вот, если брать так. Плюс есть отдельные политические деятели партий, которые в составе партии, и политическую деятельность осуществляет партия”*.

При этом основные подходы к определению политической элиты в сознании депутатов не противоречат друг другу. Например: *“Это должен быть человек, который принимает решения в период своей компетенции в исполнительной власти, законодательной власти, в судебной власти, в бизнесе. Либо человек, который может влиять на принятие этих решений: это эксперт, это медиа, это, опять же, общественные деятели”* (депутат фракции Справедливая Россия).

Такой взгляд, наверное, не вызывал бы никаких вопросов, если бы парламентарии, руководствуясь вторым подходом, просто включали в политическую элиту тех, кто, имея соответствующие ресурсы, влияют на политическую ситуацию в стране: *“Элита, на мой взгляд, – вещь, не связанная со статусом. То есть [представителем элиты] может быть человек, который, с моей точки зрения, является классным, потрясающим... и активно участвующий в политической жизни, который находится при этом на очень низкой официальной статусной ступени. То есть для меня, например, Сергей Удальцов как один из лидеров Левого фронта является представителем политической элиты”* (депутат фракции Справедливая Россия).

Но в рамках такого подхода многие респонденты считали составной частью политической элиты творческую, научную, бизнес-элику и т.д. Например: *“...деятели культуры, интеллигенция, профсоюзные лидеры, разного рода лидеры неформальных организаций, некоммерческих организаций, молодежных организаций, экологических организаций. Все эти люди, безусловно, являются элитой, потому что за ними идут люди, им нравятся их идеи. Ведь звезды шоу-бизнеса тоже, в общем-то, являются частью элиты”* (депутат фракции Единая Россия).

С одной стороны, такая неспособность выделить и определить собственно политическую элиту позволяет говорить о наличии у населения и нынешних представителей законодательной ветви власти общей когнитивной схемы². С другой стороны, она настораживает и дает первый сигнал о непонимании парламентариями специфичности роли и функций политической элиты.

Нормативные представления российских парламентариев о политической элите

Разногласий в отношении образа “идеальной” политической элиты, как было сказано, немного. Категории, составляющие его, представлены на рис. 1. Но поскольку наше исследование является качественным, нас интересуют не сами коды и соотношение между ними, а смысл, вкладываемый респондентами в понятия, в которых они выражают свои представления о нормативном и дескриптивном. Этот смысл мы и постараемся раскрыть.

² Согласно ежегодным опросам ВЦИОМа, в состав элиты регулярно попадают представители шоу-бизнеса. ВЦИОМ, 11.01.2012 (<http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=112313>).

Рис. 1. Составляющие образа “идеальной” политической элиты в представлениях российских парламентариев (в % от общего числа выделенных кодов).

Главный из выделенных нами кодов – **работа в интересах страны и населения**. Однако, несмотря на то, что данная конструкция, по сути дела, ключевая для парламентариев и так или иначе присутствует во всех нарративах, этот концепт все же не раскрывается ими в достаточной мере. Чаще всего он представлен общими фразами о “национально ориентированной” элите, “отстаивающей интересы своего народа, своего государства независимо ни от чего”. Что именно при этом понимается под общественным интересом, не совсем ясно: как он выявляется, как происходит отстаивание и согласование интересов разных групп населения – все это остается за пределами рассуждений депутатов о сути деятельности политической элиты.

Тем не менее в туманных, неясных формулировках, которыми эти рассуждения сопровождалось, все-таки можно различить три более или менее четких, уточняющих эту идею трактовки. Одна из них – **содействие экономической стабильности / росту**. Причем именно экономические показатели роста (либо экономическая стабильность) – тот эталон, по которому парламентарии измеряют эффективность деятельности политической элиты. Других показателей, в частности степени демократичности политического режима, они не видят. А потому в качестве образца для подражания в одном ряду оказываются у них, например, элиты Великобритании и Китая (депутат фракции Справедливая Россия), И. Сталин и политическое руководство современной Германии (депутат фракции КПРФ) и т.д.

Вторая трактовка интересов страны предполагает их **защиту и отстаивание на международном уровне**: “...не надо быть хорошим ни для кого, нужно быть хорошим для своей страны, для своего народа” (депутат фракции Справедливая Россия) или “в Великобритании все хорошее делают для своей страны, а на всех остальных чихать им” (депутат фракции Единая Россия).

Третья, наиболее распространенная трактовка, заключается в идее **мессианства, благотворительности и благодетельства**. Элита в данном случае воспринимается как “костяк”, который, обладая соответствующими, как правило, финансовыми, ресурсами, “содержит общество” (депутат фракции Единая Россия). Одно из типичных высказываний: “В элиту приходят в основном из мира бизнеса. Они вообще должны народ кормить маслом и сыром, как говорится. Миссия должна быть: для народа служить, а это значит прибыль куда-то вкладывать в виде благотворительной

помощи. Вот для строительства моста какого-нибудь там деревянного, например, через маленькую речку..." (депутат фракции Единая Россия). Или: "Мне кажется, политической элите надо больше заботиться и смотреть на свой народ, не забывать о нем: говорить не только с экранов телевизора или со средств массовой информации, но и на самом деле" (депутат фракции Единая Россия).

Лишь немногие из респондентов заявили об отсутствии абстрактного общественного интереса. По их мнению, нормой является ситуация, при которой представители политической элиты заботятся об интересах узкой представляемой ими группы лиц, а также о личном интересе, который либо совпадает с интересами многих, либо преследуется наряду с "работой на избирателей".

Чуть менее важная, чем "защита интересов страны", категория – **"общественное признание и уважение элиты"**. Те, кто сами называют себя элитой, вызывают у респондентов неприятие и воспринимаются как своеобразная антиэлита, политические **самозванцы**: *"Понимание элиты – это когда эта обособленная группа людей за какие-то заслуги или за какие-то особенности подхода к тому или иному вопросу признается основной массой людей. Ну а те, кто сами себя называют элитой, – это можно также обратиться нам с вами, еще трех человек пригласить, сказать, что мы элита"* (депутат фракции Справедливая Россия). Или: *"Понятие "элита" – это те люди, на которых равняется страна, равняются жители страны, кому верят, кому доверяют. Вот это элита, а остальное – шелупонь"* (депутат фракции ЛДПР).

Однако, несмотря на то, что респонденты декларировали важность общественного признания для элиты, о собственных избирателях участники исследования зачастую отзывались с изрядной долей высокомерия. Отношение представителей российской политической элиты к населению как к инертному, легковверному, невежественному и нуждающемуся в помощи [Urban, 2010, p. 28] может быть проиллюстрировано, например, следующими высказываниями: *"народ должен за кем-то идти"*, *"народ простой доверяет своему правительству, своей элите"*, задача элиты – *"следить за тем, чтобы народ развивался хорошо"*. Подобное представление о народе как стаде, которое элите необходимо *"пасти"* (депутат фракции Единая Россия), получает развитие в важнейшей и не вызывающей никаких разногласий среди наших респондентов идее **манипулирования общественным мнением**.

Парламентарии открыто декларируют отношение к населению страны как массе, которая легко поддается манипуляциям, и видят свою роль как элиты в том, чтобы эти манипуляции применить: *"...все равно любая кампания предвыборная, она строится на обещаниях: что пообещаешь народу, что больше наобещает – за тем и пойдут"* (депутат фракции Единая Россия).

Подобным отношением к населению дискредитируется и роль элиты как **движущей силы, локомотива**. Эта безусловно важная функция, которая могла бы стать основанием для становления элиты как действительно референтной группы, способствующей общественному развитию, сводится, опять же, к необходимости "вести" и "направлять". Понятно, что степень радикализма формулировки этой идеи варьируется, и крайним ее выражением является представление о том, что *"невозможно государство без политической элиты: мы тогда будем стадом баранов"* (депутат фракции Единая Россия).

Более мягкая распространенная в этой связи интерпретация политической элиты как **полководца, военачальника**: *"Не может вся страна – 140 миллионов – вести все общество. Все равно есть люди, которые направляют жителей. Все равно это единицы. В армии один командир, в полку один командир. Не может вся рота быть командующей, или батальон, или полк. Вот выделяется эта элита так называемая, которая ведет"* (депутат фракции Единая Россия).

В итоге, с одной стороны, респонденты заявляют о том, что видят свою миссию в служении народу, но с другой – не просто не отождествляют себя с народом и дистанцируются от него, а противопоставляют элиту и народ: *патриции и плебеи*. Они предъявляют обществу претензии, обвиняя его в авторитарности (*"царя из головы до*

конца не выбили”), однако их собственный идеал предполагает “сильную руку”, “беспрецедентную власть”, “сильную державу”. Идеальным представителем элиты и политическим лидером депутаты называли Петра I, “влияющего на общество по разным направлениям”, а в качестве идеальной формы правления признавали монархический строй Великобритании.

Сама по себе политическая власть персонализируется, связывается с личностью того или иного сильного лидера: “Мы можем по-разному понимать свободу, мы можем по-разному понимать демократию. Но верность конкретному человеку, персонализация власти – это очень важно... Мы, к сожалению, это утратили” (депутат фракции Единая Россия).

Переживание этой “утраты” и приводит к тому, что идеал парламентариев часто оказывается в прошлом (в царской России или Советском Союзе), а оценка и деятельности политической элиты, и конкретного исторического периода связывается с той или иной личностью. “Вот Петр I – это, пожалуй, один из самых ярких. Потому что у Сталина слишком много крови было, слишком как бы боялся не соответствовать, а вот Петр... По поводу Грозного сложно оценить. Вот Александр I – тоже такой хороший период был” (депутат фракции Единая Россия).

Возможность “влиять” на общественное мнение обеспечивается тем, что “настоящая” элита для многих из наших респондентов – это те, кто “крутятся в СМИ”, становятся ньюсмейкерами. Хотя в основном важная для них идея **медийности** и не несет такой значимой функциональной нагрузки, а означает лишь раскрученность в СМИ, узнаваемость, популярность, способ привлекать внимание и быть всегда на виду: “Политическая элита – это те, кто у нас крутятся в средствах массовой информации. Это их можно смело называть политической элитой, потому что все знают их, узнают. Все остальные – это, можно сказать, муравьи-труженики” (депутат фракции Единая Россия).

Одна из особенно важных категорий, значимых для парламентариев при характеристике политической элиты, – “**избранность**”. В лучшем случае эта избранность носит “селекционерский” характер: депутаты воспринимают попадание в политическую элиту как попадание в высшую касту, а ее представителей – как лучших из всех существующих (“джентльмен среди мужчин”, “элитное зерно”). И в этом случае селективно отобранные “ростки общества” опять-таки этому обществу противопоставляются: «...выбираются из этого обилия элитные семена – так они и называются: “элитные семена”. Точно так же и в политической элите: происходит естественный отбор. Есть элита политическая, есть – особо выделяемые люди» (депутат фракции КПрФ).

В худшем же случае избранность начинает восприниматься как что-то “сакральное”, приобретает мистический характер: “Я абсолютно уверен, что человека выносит волна на какую-то позицию, есть в этом что-то сакральное” (депутат фракции Единая Россия).

При этом мысли об “урожае” и “естественном отборе” как о пути в “лучшие из лучших”, как правило, не предполагают повышения профессионального уровня, обретения новых компетенций и научения быть политиком. Идея “избранности” и “особости” приводит к тому, что деятельность представителя политической элиты не воспринимается парламентариями как деятельность профессиональная. Об этом свидетельствуют, во-первых, уже упоминавшиеся разногласия по поводу значения формального статуса, во-вторых, их представления о ключевых видах деятельности и характеристиках политической элиты (“вести”, “манипулировать”), в-третьих, смысл, который они вкладывают в концепцию **специального знания**.

Мысль о необходимости наличия у представителя политической элиты этого специального знания в нарративах представлена в двух видах. Суть первого понимания заключается в знании специфики конкретного вопроса: “Надо ставить ответственного человека, давать ему управление, и чтобы он был в этом заинтересован: чтобы детскими садами занимался тот человек, у которого есть ребенок, которому нужно

идти в детский сад, чтобы перинатальными центрами занимался тот человек, у которого жена будет скоро рожать, школами чтобы занимался тот, у которого ребенок сейчас из детского сада будет уходить в школу” (депутат фракции Единая Россия). Такое “знание” носит бытового характер, оно близко к конкретному жизненному опыту и личным интересам политика.

Второй подход предполагает, что у представителя политической элиты должно быть “общее понимание”, достигнутое за счет “хорошего базового образования, хорошего энциклопедического даже образования” (депутат фракции КПРФ), а также общего культурно-морального просвещения: “Их [представителей политической элиты] тоже надо перековырять, учить, объяснять, что если ты сегодня один будешь жить хорошо, а рабочий твой будет жить плохо, то ты долго не проживешь” (депутат фракции Единая Россия).

При этом важно отметить, что понимаемая таким образом идея специального знания подразумевает не только служение абстрактным целям достижения общего блага, но и возможность отступления от существующих норм и правил. Представитель политической элиты должен быть “грамотным” настолько, чтобы это позволяло ему обходить существующие препятствия: “Я очень грамотный: я всегда докажу, что я превысил скорость потому, что по каким-то причинам у меня какое-то препятствие было. Когда нарушаешь, надо смотреть, как ты будешь оправдываться. Так и тут: обходя какой-то закон, ты должен предусмотреть, что ты его не обходишь: это лазейка в законе была, которую никто не увидел. А я увидел” (депутат фракции Единая Россия).

Таким образом, можно сказать, что мысль о политике как профессии в текстах интервью сильно искажена: то, что воспринимается парламентариями как деятельность политическая, на самом деле находится от нее очень далеко. В итоге основная доля внимания респондентов переносится с профессиональных качеств на моральные аспекты “элитной” деятельности. Настойчивое акцентирование важности наличия у представителя политической элиты таких качеств, как **честность**, **справедливость**, которая воспринимается как равное отношение к различным группам населения, и **целеустремленность** в работе в интересах общества, в этой связи выглядит как своеобразная компенсация. Непредставленность полноценного общественного дискурса, игнорирование действительных общественных интересов заставляют их обращать большее внимание на аспекты моральности [Urban, 2010, p. 18].

При этом наиболее значимое здесь понятие честности трактуется не только как порядочность, открытость и способность “не воровать”. Зачастую оно приравнивается к смелости. К смелости признаться в собственной некомпетентности («Ты должен выйти и честно сказать: “Я не смог это выполнить, потому что...”») либо к смелости перед начальством: не бояться, “например, сказать своему начальству, что вот у нас плохо с транспортом, плохо с дорогами” (депутат фракции Единая Россия). Или, если представитель политической элиты “занимает должность правильно, на своем месте, он должен честно сказать, не боясь за свое кресло, — свои должностные обязанности должен выполнять как положено, а не так, как по указке начальника” (депутат фракции Единая Россия).

Тема моральности усилена до такой степени, что порой перетекает в идею **самопожертвования**. В качестве ключевой для политической элиты характеристики называется готовность не просто поступиться “своим личным ради чего-то общего”, но отдать за это общее свою жизнь. Например: “Болели, сидели в тюрьме, но все прощали и опять работали на это государство” (депутат фракции Единая Россия). Или: “Элитой во все времена должен был быть человек, готовый умереть в любую секунду” (депутат фракции Единая Россия).

Подобная жертвенность становится синонимом **патриотизма** и дополняется такими идеями, как ориентация на внутренние особенности страны, необходимость не оборачиваться на Запад и “не критиковать свою страну, даже если понимаешь ее недостатки”.

В связи с этим значением патриотизма особую роль приобретает идея **демонстрации**: элита должна *“создавать видимость”* – видимость равенства с народом, имиджа страны, культуры и т.д. Например: *“В принципе, элита сама по себе позиционирует себя как представитель общества, как прослойка, которая, значит, прислушалась к мнению людей, выполняет требования, их чаяния”* (депутат партии Справедливая Россия).

Примечательно, что в текстах интервью почти не актуализируется идея **принятия решений**. Напрямую о способности принимать решения и нести за них ответственность как о неотъемлемой характеристике политической элиты говорили единицы респондентов. Для подавляющего же большинства эта идея не важна в принципе. Один из опрошенных нами депутатов так выразил свою мысль об условиях, необходимых для вхождения в политическую элиту: *“...нужно говорить правду, говорить, выступать, доказывать и, наверное, что-то делать”* (депутат фракции ЛДПР).

Помимо этого, в сознании российских парламентариев достаточно значимое место занимает идея, выделенная нами в виде кода **“непринятие решений”**. Однако в данном случае имеется в виду вовсе не “второе лицо власти” [Bachrach, Baratz, 1962], а именно неучастие в самом процессе. То, что решения в сегодняшней России принимают ограниченное число политических акторов, воспринимается парламентариями как вполне естественное явление. Более того, иногда им свойственно выводить за рамки политической элиты тех, кто принимают решения, и наделять саму “элиту” рядом других функций. В первую очередь это функции консультативные: *“Даже Сталин, он никогда не решал один вопросы... Вот Владимир Владимирович с нами встречался, с фракцией Единство... Не могут не советоваться. Если не советоваться, то как?”* (депутат фракции Единая Россия).

Кроме того, с точки зрения депутатов, настоящая, равно как и нынешняя, политическая элита обладает функцией популяризации той или иной проблемы (*“поднимает проблемные вопросы на государственном уровне”*) или же функцией выработки возможных вариантов общественного развития: *“Поэтому к принятию решений политическая элита по большому счету не имеет отношения, она может обсуждать везде публично, публично везде информировать, и косвенно она воздействует... Политическая элита может поднимать проблемные вопросы для изменения решения на государственном уровне”* (депутат фракции Единая Россия). Таким образом, нормативные представления парламентариев о политической элите в вопросе о принятии решений сводятся к тому, что сама элита решений не принимает, но косвенно в процессе участвует.

Такая роль в существующей системе их вполне устраивает, равно как и уровень решений, к обсуждению которых их допускают: *“...был вопрос – ратификация договора с Канадой об убиении белки: что она должна быть убита каким-то капканом, капканом определенным. Те капканы, которые есть в России, они животному приносят страдания, и нужен капкан только лишь канадский или американский. И вот идет эта ратификация. В принципе, президенту не все ли равно: подписал, и все. Но он в Думу – мы начинаем разбираться... Вот здесь поднимается полемика. И тогда Дума может внести предложения в этот договор в ту или иную сторону. Вот это участие политических элит”* (депутат фракции Единая Россия).

Понятно, что **ответственность** за непринятые решения не предполагается и как идея почти никого из депутатов не волнует. Даже если тема ответственности элиты перед народом и возникает, то воспринимается она как *“обуза”* и *“тяжелый крест”*.

Таким образом, парламентарии не ассоциируют себя с людьми, занимающими властную позицию, обладающими настоящей властью и способными принимать решения. Наши выводы в этом отношении во многом схожи с результатами, полученными другими исследователями: у современной политической элиты отсутствует чувство ответственности, и она склонна недооценивать свою социальную роль [Пищева, Виноградова, Недова, 2010, с. 119]. Тем не менее в рамках данного исследования была выявлена сильная потребность большинства парламентариев в самопричислении к

элите, что само по себе парадоксально, учитывая общую тенденцию к подчеркиванию собственной незначительности в процессе принятия политических решений и в политической жизни вообще. Более того, несмотря на это, склонность отождествлять себя с политической элитой совмещается с великодержавными притязаниями на роль элиты в жизни общества. В речи депутаты используют такие конструкции, как “свой/наш народ”, “наша страна” и т.д.

Конечно, нельзя сказать, что все коды, составляющие категорию “образ идеальной политической элиты”, описывают также и представления парламентариев о нынешней политической элите. Так, основное противоречие между нормативной моделью и реальностью касается моральных качеств нынешних представителей власти. Есть у депутатов и другие претензии, касающиеся, например, нерегулярности ротации или того же неприятия решений. Однако в силу того, что компоненты образцовой политической элиты характерны (в отличие от моральности) для незначительной части респондентов, на общую картину это не влияет. Таким образом, нынешняя элита воспринимается как вполне приемлемая потому, что смыслы, вкладываемые парламентариями в основные понятия, которыми они характеризуют свой “идеал”, соответствуют их видению сегодняшней ситуации.

Недостатки нынешней политической элиты: мнение парламентариев

Российские парламентарии, безусловно, понимают, что у нынешней политической элиты есть ряд недостатков (см. рис. 2). Тем не менее они, с их точки зрения, немногочисленны. По-настоящему серьезные нарекания российская политическая элита вызывает у ее представителей лишь по ограниченному кругу проблем.

Основная проблема современной политической элиты, по мнению депутатов, заключается в ее **несформированности**, неоформленности, вызванной **неразвитостью самих государственных институтов**. Под неразвитостью институтов при этом понимается вся совокупность проблем, связанных с незавершенностью политических и экономических преобразований. Мы “остались на обломках и строим новый дом”, а потому сталкиваемся с особенностями “молодой демократии”: “неразвитым парла-

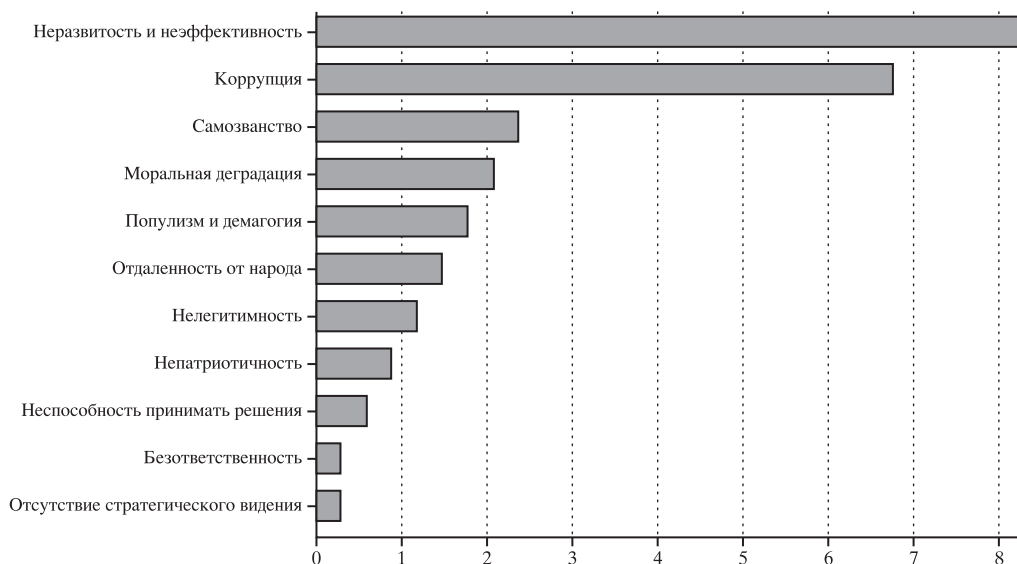

Рис. 2. Недостатки нынешней политической элиты: мнение парламентариев (в % от общего числа выделенных кодов).

ментаризмом”, “несформированным гражданским обществом”, отсутствием эффективной системы местного самоуправления.

Однако в первую очередь парламентариев заботит так до конца и не совершенный переход к рыночной экономике: *“По крайней мере, рыночную экономику мы выбрали, а механизмов не наработали еще”* (депутат фракции Единая Россия). Этот критерий важен для них, потому что напрямую связан с показателями экономического роста, которые они воспринимают и как показатель эффективности деятельности самой политической элиты.

Но, несмотря на первостепенное значение проблемы неразвитости и неэффективности институтов для представителей элиты, можно констатировать, что в целом эта идея не раскрывается в достаточно полной мере. Респондентам было несвойственно мышление институциональными категориями. В основном все, кроме экономических проблем, озвучивалось лишь в порядке перечисления. Но вопросы развитости экономических институтов в ряде случаев воспринимаются скорее на бытовом уровне: *“Правильный путь надо выбрать. Экономического развития прежде всего. Если экономика будет у нас развиваться, у нас появятся лишние деньги – это рабочие места. Если рабочие места появятся, человек уже сам сможет купить квартиру, сам сможет образование получить, детей рожать, семью завести”* (депутат фракции Единая Россия).

Незавершенный переходный период отражается, по мнению парламентариев, и на состоянии самой политической элиты. Они сетуют на то, что российская политическая элита *“еще не сформировалась”*, находится *“в состоянии растерянности, разочарованности”*, *“ищет свой путь”*, *“пробивается”*, *“завоевывает себе место”*. Однако сама эта проблема воспринимается как объективная реальность, временная и не зависящая от самих представителей элиты.

Зацикливание на старых формах взаимоотношений и неоформленность новых, с точки зрения депутатов, ведет к **низкой вертикальной мобильности**. А она, в свою очередь, – к появлению феномена **самозванства** (самопричисления к элите людей из “тусовки” на основании “родства” и “кумовства”), который воспринимается почти всеми парламентариями как однозначно негативный и часто в том или ином виде упоминается.

Все остальные проблемы нынешней политической элиты менее значимы. Депутатов смущает **моральная деградация** высшего политического слоя, размывание этических норм: *“И элита тоже себя ведет как бы двояко, вот это присутствует: дух накопительства, дух вещей, вещиизма. Поэтому духовности здесь мало, мало философии”* (депутат фракции Единая Россия). Недовольство респондентов вызывает и отступление представителей элиты от элементарных правил приличия: *«Вот сегодня министр выступал – Шматко. Его замы сидят, люди, которые рулят энергетикой, сидит один – ногти грызет. Ну какая это элита? То есть, к сожалению, очень часто слово “элита” вызывает раздражение, когда элита не соответствует интеллигентному, возвышенному чувству»* (депутат фракции Единая Россия).

Еще одно направление критики – недостаточный уровень патриотизма правящего класса. О необходимости принесения себя в жертву в реальной жизни никто не говорит. В данном случае депутаты обеспокоены лишь неготовностью нынешней элиты поступиться личными интересами ради общих. А вот идея о том, что не нужно критиковать свою страну, трансформируется здесь в представление об излишней ориентации (в первую очередь финансовой) некоторых представителей элиты на Запад: *“оставляют родину в погоне за деньгами”* (депутат фракции КПРФ), *“выходишь на внешнеполитическую деятельность и крутишь там свои проблемы – это наказываться должно очень строго”* (депутат фракции Единая Россия).

Но многие из тех недостатков, которые перечисляются депутатами, свойственны и им самим. Так, **коррупция** как система, действующая в элите и ради элиты, осуждается как абстрактное понятие. Она, по мнению парламентариев, выражается в двух формах: *“блата”*, который воспринимается ими как система, заменяющая вертикальную

мобильность, и ориентации на достижение личных интересов, как правило бизнес-интересов, за счет политической деятельности и статуса: *“К сожалению, я считаю, это неправильно с политической точки зрения, когда бизнес стремится прийти в Государственную думу. Для чего он идет в Государственную думу? Чтобы исполнять депутатскую неприкосновенность для защиты своего бизнеса. Это негативное последствие: этот человек никогда не будет принимать решения, никогда не будет действовать в интересах народа”* (депутат фракции Единая Россия).

Однако реальная возможность элиты отступать от ряда норм и получать некоторые преференции, то есть тот же самый блат, воспринимается респондентами как должное: *“...пусть идет работает, строит свою карьеру в коммерческой структуре, где, там, папа поможет ему устроиться, но дальше влиять никак не сможет”* (депутат фракции Единая Россия).

Часто они обвиняют других представителей элиты в **демагогии и популизме**, однако при ответах на вопросы интервью сами отличаются их проявлениями. О коммуникативной некомпетентности свидетельствуют высказывания участников исследования, лишенные логики, содержательности: *“Я считаю, что статусные полномочия человек завоевывает путем избирательности... Вот саму суть эти полномочия не дают. Я вообще буду хорошо разбираться в политике, но мне надо создать свой институт политический, чтоб я был руководителем, – прогнозирование политики, условно говоря. То есть в любом случае меня никто этим статусом не наделит. Даже, там, советник президента, наверное, он выбирается из ряда политиков данного вопроса, которые наделяют”* (депутат фракции Единая Россия).

В ходе интервью создавалось впечатление, что парламентарии давали ответы, не пытаясь даже вникнуть в суть вопроса: *«Ну, вообще слово “элита”, может быть, оно не совсем звучит по-русски... Точнее, совсем не по-русски... Но я так понимаю, что это определенная категория людей, которая занимается политикой и является наиболее востребованной, наиболее популярной на политическом пространстве»* (депутат фракции Справедливая Россия).

Все это усугубляется полным отсутствием в речи парламентариев специализированной политической лексики. Разговор, как правило, строился на предельно бытовом уровне. Элита, по мнению одного из респондентов, должна быть *“интересной”* и *“способной заинтересовать”*, а *“речи по поводу развития страны”* скучны. А быть политиком, по мнению другого, означает *“не подставляться по большому счету, чтобы где-то неправильно выступить, где-то неправильно заявление сделать”*. Профессионализм, как мы уже упоминали, воспринимался и трактовался исключительно с бытовой точки зрения. В этой связи следует также отметить неспособность парламентариев дать определение не только политической элиты, но и других основополагающих политических понятий.

На поверхность выходит непонимание ситуации, отсутствие того **стратегического видения**, которое они сами считают важнейшим качеством политической элиты. В ходе исследования респонденты регулярно демонстрировали замкнутость на житейских проблемах: *“К сожалению, от этого жизнь лучше не становится: картошка – пятьдесят рублей килограмм, а в том году стоила шестнадцать”* (депутат фракции Единая Россия).

Однако, несмотря на все эти “недочеты”, формат нынешней элиты и вектор ее развития законодателей устраивает. Более того, они почти единодушно сходятся во мнении, что нынешняя политическая элита легитимна, потому что *“были выборы”* и люди *“пришли и проголосовали”*. Легитимность при этом они путают с легальностью и к тому же сводят ее к подсчету голосов, поскольку получение 50% плюс 1 голос на выборах воспринимается ими как гарантия легитимности. Например: *“Если, значит, народ за нее проголосовал, а правительство было избрано и утверждено теми, за кого проголосовал народ, значит, она легитимна”* (депутат фракции Единая Россия). Касаясь этой темы, российские парламентарии в очередной раз демонстрируют, что не владеют даже базовой политической терминологией. Например, один из депутатов

фракции Единая Россия на вопрос о том, что необходимо для формирования легитимной политической элиты, ответил так: *“Легитимной?.. Само определение говорит о том, что должны быть законы”*. И далее: *“Легитимная политическая элита у нас пока проявляется в семи партиях. Они все конкурирующие, но у них нет никаких враждебных государству взглядов на свержение, на устранение: все идет человеческим путем”*.

Конечно, проблема нелегитимности нынешней элиты осознается частью парламентариев, включая и представителей Единой России: *“Нынешняя система имеет очень мало общего с волеизъявлением граждан. То есть корреляция есть, но она, скажем, не стопроцентная... Нулевая легитимность, когда они вообще свалились с неба, их никто не знает: девяносто процентов депутатского корпуса Единой России – так и есть. Но, учитывая, что остальные десять процентов Единой России и большая часть других партий как бы известные люди, они несут на себе определенный элемент легитимности. Но он, конечно, исчезающе мал по сравнению с нормальной ситуацией”* (депутат фракции Справедливая Россия).

Но стоит отметить, что тенденция к восприятию проблемы не на институциональном, а на бытовом уровне свойственна парламентариям и в этом вопросе: *“Общество пока невозможно сказать, что поголовно признает политическую элиту таковой, как политическая элита. Почему? Потому что они все-таки отрицательно относятся. Вот все беды, который несостоявшийся человек, он видит не в себе, может, он сам виноват: своевременно образование не получил, может быть, зачем он с армии уволился, если он знает, что его ожидает, остался бы контрактником в армии... Вот такими вопросами он начинает обвинять депутатов, глав администраций районов, городов, там, президента – ну, всех-всех, кого он знает”* (депутат фракции Единая Россия).

В общем же нормативные представления парламентариев о политической элите в значительной мере совпадают со сложившимся у них образом нынешней политической элиты: *“Она [политическая элита] уже есть, создана. Направление, которое есть, – другого не дано”* (депутат фракции Единая Россия). Учитывая неадекватность “идеала” и тот факт, что даже к нему нет смысла стремиться, так как *“мы от него недалеко”*, ожидание позитивных перемен “сверху” представляется бесперспективным.

Возможность изменения ситуации к лучшему вполне естественно затрудняется и желанием парламентариев избавиться от ответственности. Причем в этом случае они готовы переложить ее на общество. Одни и те же люди, с одной стороны, говорят, что общество нужно куда-то *“вести”*, что роль элиты – *“направлять”*, *“просвещать”*. С другой стороны, предлагают этому же обществу *“проснуться”* и обвиняют его в “неправильном” менталитете: *“У нас что? Кто-то пойдет пикетировать?.. Население у нас... У нас страна другая, менталитет другой”* (депутат фракции Единая Россия).

Ни один из опрошенных респондентов не предложил конкретного плана действий по решению проблем российской политической элиты. Причем многие ограничивались тем, что констатировали: сохранение сегодняшнего общего вектора развития общества должно в перспективе привести к формированию качественной и ответственной политической элиты. Например: *“После ухода Ельцина пришел Путин – это мирным путем передача власти. После двух сроков Путина пришел Медведев, избрался. Теперь, значит, все равно будет демократический переход, а не то, что, там, танки, захваты, революции оранжевые, неоранжевые, зеленые и т.д. То есть это постепенно ведет к некой стабилизации общества и повышению его демократического потенциала. А вот повышение демократического потенциала, оно приведет к тому, что и элита будет формироваться на демократических началах. Вот это очень важно”* (депутат фракции Единая Россия).

Такое **эволюционное развитие** воспринимается парламентариями как условие и показатель успешности деятельности политической элиты. Однако, на наш взгляд, в данном случае надежды на *эволюционность*, постепенность и поступательность развития также являются попыткой избежать ответственности за формирование по-настоящему качественной легитимной политической элиты.

Рабочей гипотезой нашего исследования было предположение о том, что нормативные представления депутатов о политической элите будут отличаться от дескриптивных. А потому, задавая вопросы об “идеальной”, желаемой политической элите и роли и функциях элиты в сегодняшней России, мы считали, что главными и противоположными друг другу категориями станут “представление о должном” и “представление о существующем”. Однако оказалось, что нормативные представления парламентариев в значительной мере совпадают с дескриптивными. Нынешняя политическая элита воспринимается большей частью опрошенных нами парламентариев если не как идеальная (так как сам по себе *“идеал недостижим”* и *“идеального государства не бывает, не бывает идеальных людей”*), то как вполне адекватная, приемлемая, *“оптимальная с точки зрения современного уровня развития общества”* (депутат фракции Единая Россия). Таким образом, вместо двух предполагавшихся изначально базовых категорий мы получили другие: “представления о нынешней, близкой к идеальной политической элите” и “представления о некоторых ее недостатках”.

В общем, можно говорить о том, что результаты исследования продемонстрировали плачевное состояние потенциала значимой части политического класса современной России. Мы не распространяем выводы, характеризующие состояние этой части, на всю элиту, но хотели бы отметить, что полученные нами результаты вполне могут быть соотнесены с ее общим состоянием. Зачастую представители власти не отличаются от тех, кто их выбрали, ни особыми качествами, ни особым знанием, а потому не могут являться референтной группой. Такое нарушение принципа референтности, на наш взгляд, ведет к отсутствию доверия властным институтам.

На низкое качество политической элиты, безусловно, влияют неэффективные механизмы ее формирования: отсутствие конкурентной среды, снижение вертикальной мобильности, непрозрачные механизмы рекрутирования. Основным критерием выдвижения в элиту становится, как правило, лояльность, а не компетентность и лидерские качества. В отношении такой важной части политической элиты, как депутаты Государственной думы, следует отметить, что наибольшую обеспокоенность вызывают следующие результаты данного исследования:

- нормативные представления российских парламентариев сходны с их дескриптивными представлениями о политической элите. Таким образом, низкое качество и нерепрезентативность самой этой группы усугубляется отсутствием у нее внутреннего импульса к развитию: они лишены мотивации к профессиональному росту и повышению своей компетентности. Отсутствие более или менее адекватных образцов ведет к тому, что нынешние парламентарии зачастую не могут даже сформулировать, что именно они понимают под политической элитой;

- представителей российской политической элиты зачастую можно обвинить в некомпетентности, в том числе и некомпетентности коммуникативной. Депутаты склонны мыслить в рамках бытовых, повседневных понятий, а не категориями политических институтов. Пытаясь компенсировать эту некомпетентность, они делают акцент на лояльности и морализаторстве;

- российские парламентарии описывают себя как людей, не имеющих влияния на процесс принятия политических решений, не несущих за них ответственности. Данная ситуация не воспринималась участниками исследования как проблемная, требующая немедленного решения. Напротив, понимание профессионализма и компетентности представителя политической элиты заключалось в том, чтобы не участвовать в процессе принятия решений. Таким образом, можно говорить о неадекватности восприятия ими самого института Государственной думы и его конституционных полномочий;

- общество и его роль в политике парламентариями не учитывается. Следование общественным интересам хоть и декларируется как важнейшее для представителя политической элиты направление деятельности, но на самом деле исключено из элитного дискурса, потому что основано на высокомерном отношении к самому этому

обществу, воспринимаемому как “стадо” и “массы”. Необходимость формирования полноценной публичной сферы депутатами не осознается, потому что население, по их мнению, представляет собой инертную, необразованную массу, которую нужно “вести”, “направлять”, которой можно “манипулировать”.

Таким образом, нынешний политический класс, на наш взгляд, не может стать полноценной референтной группой в силу укорененности в его сознании идей и смыслов, противоречащих логике развития современного демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев М.Н.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М., 2009.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема “элиты” в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
- Гурьева Л.С.* Дискурсы и ценности региональных элит (результаты исследований). М., 2007.
- Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.
- Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
- Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д.* Образ России под углом зрения политических коммуникаций // ПОЛИС. 2010. № 4.
- Плискевич Н.М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. М., 2012.
- Региональная элита в современной России.* М., 2005.
- Селезнева А.В., Рогозарь-Колпакова И.И., Филистович Е.С., Трофимова В.В., Добрынина Е.П., Стрелец И.Э.* Российская политическая элита: анализ с точки зрения человеческого капитала // ПОЛИС. 2010. № 4.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
- Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты.* М., 2008.
- Чурикова А.Е.* Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // ПОЛИС. 2008. № 6.
- Aberbach J.D., Rockman B.A.* Interview Methods in Political Science: Conducting and Coding Elite Interview // Political Scienc. 2002. Vol. 35. № 4.
- Bachrach P., Baratz M.S.* Two Faces of Power // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56. № 4.
- Flick U.* Introduction to Qualitative Research. SAGE Publications Ltd, 2009.
- Gel'man V., Tarusina I.* Studies of Political Elites in Russia: Issues and Alternatives // Communist and Post-Communist Studies. 2000. № 33.
- Moses J.C.* Who Has Led Russia? Russian Regional Political Elites, 1954–2006 // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 1.
- Urban M.* Cultures of Power in Post-Communist Russia. Cambridge University Press, 2010.
- Urban M.* I Never Had a Political Career: Russian Political Actors on Politics and Morality // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 5.

© В. Касапара, М. Максименкова, 2013